

УДК 008+80

Й. Р. Йонушас

**Культурные контексты мировоззрения в монографии
А. Антоновича «Белорусские тексты, писанные арабским
письмом, и их графико-орфографическая система»¹**

При анализе нюансов обычного права, вытекающих из предпосылок межкультурной коммуникации, основным источником является монография А. Антоновича «Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система», а также учитывается мнение лингвистов, социологов, историков культуры и интерпретация различных явлений. Поскольку в поле обсуждения попадают коммуникативные аспекты нескольких языков с близким историческим опытом, в том числе белорусского и польского, их оценка не может быть однозначной: с одной стороны, они, несомненно, позитивны, на стыке веков они расширили культурные горизонты Литвы, обогатили национальное самосознание с точки зрения языка и даже в отношении литературных образов создали возможность исследования национальной идентичности с позиций компаративистской культурологии; с другой стороны, данные аспекты, не став объектом анализа историков из-за неблагоприятных политических и исторических обстоятельств, недостаточно изучены или вообще неизвестны.

Ключевые слова: *компаративистская культурология, многоязычие, транслитерация, языковое сознание, обычное право, интерференция, рукописная книга.*

Jonušas Jonas. A. Antonowitz monograph «Byelorussian writings in the arabic script and their graphic-orthographic system» worldview cultural context.

The analysis of the intercultural communication assumptions arising certain nuances of customary law, based on primary source monograph by

¹ Статья написана по материалам доклада на XII Международной научной конференции «Семиозис и культура: языки, коды, практики» (Сыктывкар, 27—28 мая 2016 г., Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина).

A. Antonowicz Byelorussian writings in the arabic script and their graphic-orthographic system taking into account the interpretation of various phenomena by linguists, sociologists, cultural historians.

The aim of this paper is to fill in the niche in the investigation of multilingual texts, created by authors and copyists in the wide area of the present Lithuania, Polish and Belarus. The article is mostly concentrated on different aspects of customary law, but, aiming to show the wholeness and uniqueness of the manuscript heritage, intercultural aspect of the texts published in A. Antonowicz book is taken into account as well. The paper consists of introduction, two analytical parts and conclusions. The most important aspects of texts are the formation of the community custom tradition, the showing out of the most important semantic centres.

In connection with the above considerations it should be noted that the texts in A. Antonowicz book constitute rather reliable material for studying such phenomens of the customary law as conception of goodness and evil, sense of community. The analysed texts were being formed together with the literature of those times, adapting to the general tendencies of the development. The main direction of the formation of texts (mostly anonymous, but sometimes authorized) is the growing content of customary images, the richness of associations and the growth of cultural contexts. The paper ends with conclusions, which resume the process of the work and the most important discoveries.

Keywords: *comparative culturology, multilingualism, transliteration, linguistic consciousness, customary law, interaction, manuscript.*

Введение

Многоязычие — многостороннее явление, требующее комплексного восприятия. В условиях глобализации исследование многоязычия обладает научной ценностью, включающей больше, чем структурное взаимодействие или функциональное разделение языков. Многоязычие понимается как знание нескольких языков, позволяющее при необходимости применять термины одной культуры в условиях другой. Лексическую и синтаксическую интерференцию монографии А. Антоновича можно связать с культурным значением используемых образов, когда нарратив рукописных памятников раскрывает модель первичного языка, при этом не нарушаются и нормы вторичного языка. На вопрос, какой язык (арабский, поль-

ский или белорусский) оказал наибольшее влияние на формирование языкового сознания авторов упомянутых рукописей, ответить трудно. В данном случае важное значение имеет географический фактор, а также такие историко-политические перемены, как распад объединённого государства (уния), включение бывшего ВКЛ в состав Российской империи и т. п. В данном контексте монография А. Антоновича *«Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система»*, хоть и увидевшая свет почти пятьдесят лет назад, является актуальным и редким эмпирическим обоснованием современных теоретических исследований многоязычия, обладающим несомненным научным и практическим значением. Письменное использование языка составляют различные тексты: периодические издания, реклама, книги, канцелярские документы, дневники и т. п. Это связано и с культурными контактами языков. Эксклюзивный пример таких контактов — китабы. Это рукописные разноязычные татарские книги с включениями религиозного характера (тафсиры, хамаилы). В этих книгах явственно проявляется влияние арабского языка, однако влияние, оказываемое не на литературный вариант языка, а на его орфографию (что проявляется в своеобразной адаптации письменности). Влияние арабского языка на китабы наблюдается и в культурном аспекте (через религию).

Многоязычие — это явление, привлекающее внимание специалистов различных областей: лингвистов, философов, социологов, психологов, культурологов и др. Наиболее широко исследовано коллективное двуязычие/многоязычие (овладение вторым языком и его использование в определённом коллективе), а уникальной и довольно редко встречающейся проблеме индивидуального двуязычия и многоязычия, особенно в её историческом аспекте, уделено сравнительно мало внимания. Научное значение многоязычия в условиях современной глобализации общепризнано. Многоязычие трактуется как комплексное явление, для анализа которого недостаточно критерия структурного взаимодействия языков или критерия функционального разделения языков, поэтому используется критерий сравнения, помогающий определить, каким образом языки в некоторых случаях перекрываются, т. е. фрагменты одного языка оказываются в контексте другого. Как уже было сказано, многоя-

зычие — сложное явление, в особенности когда приходится анализировать переводные тексты, в которых различные языковые культуры представлены не только на обычных языковых уровнях (лексика, морфология, синтаксис), но и на уровне графики. Исследование феномена многоязычия с использованием возможностей, предоставляемых методом компаративистики, помогает выяснить, каким образом простые элементы обычного права могут быть адаптированы и модифицированы в культуре. В лингвистике всё ещё бытует мнение, что наиболее последовательное изложение мыслей возможно на родном (первичном) языке.

Актуальность статьи связана с объяснением чувства двуязычия авторов (переписчиков), нередко анонимных, как результата языковой деятельности. Исследование связано со специфическими закономерностями конструирования текста, включающими первичный язык (в обычном понимании) и вторичный (только в отношении орфографии).

Цель статьи — обсудить монографию А. Антоновича *«Белорусские тексты...»* с точки зрения компаративистики. Представленные в монографии транслитерированные тексты демонстрируют, что языковое сознание их авторов многопланово и многослойно, нередко связано со своеобразной интерпретацией аспектов обычного права.

Метод исследования — структурно-сравнительный анализ, основывающийся на положениях теории компаративизма, позволяющий успешно выявить языковое взаимодействие в монографии А. Антоновича.

Объект исследования — монография А. Антоновича *«Белорусские тексты...»* и её межтекстовое выражение. Процессы, происходившие в сфере культуры в прошлом столетии, позволяют предположить, что анализ произведения, сформированного в традиции устного слова, нецелесообразно проводить, опираясь лишь на традиционные теоретические установки, поскольку в таком случае исчезает множество смысловых нюансов. Сравнение феноменов как одна из форм коммуникативного общения, играет важную роль в формировании межкультурного диалога. Понимание явления культуры с точки зрения компаративистики гораздо шире, чем лингвистическая интерпретация проблемы. Поэтому сравнение нельзя считать вспомогательным средством, функцией текста или инструментом.

Компаративистская культурология перешагивает границы национальной культуры, предоставляя возможность идентифицировать, сочетать, сравнивать элементы одних текстов в других, вне зависимости от языка, на котором они были созданы.

О монографии А. Антоновича «Белорусские тексты...»

О славянских текстах, записанных арабским письмом, как и в целом о старинных литовских ориентальных документах, написано немного. Они ещё недостаточно изучены, хотя в этих текстах хранится немало информации для исследования аспектов обычного права как с точки зрения сравнительной лингвистики, так и с точки зрения этимологии слов [15]. До сих пор мало исследованы разнообразные мировоззренческие аспекты, зафиксированные в упомянутых текстах, не изучена в достаточной степени их непреходящая ценность, не анализировалась возможность использования для синхронного лингвистического анализа текстов на белорусском и польском языках, включения их в сферу общего языкознания, не подтверждено и не опровергнуто предположение о возможности идентифицировать литуанизмы, слова, широко используемые в литовском фольклоре, мало изучены и следы длинного исторического периода (с XVI до XX вв.), оставленные в рукописях татар Литвы: «Среди современных исследований рукописной традиции татар Литвы можно встретить работы, посвящённые той или иной проблеме, связанной с объектом исследования, однако не хватает публикаций первоисточников с подробными комментариями и последовательного анализа текстов. Всё ещё не найдены ответы на вопросы об источниках этих рукописей, их переводчиках, переписчиках, их локализации» [13, с. 200].

Монография А. Антоновича стала первым фундаментальным научным трудом, затронувшим богатейшие слои культуры Востока. В ней представлен огромный эмпирический материал, собранный автором в архивах Вильнюса, Минска, Варшавы и Казани, с опорой на который и была совершена попытка отобразить традиционные представления о добре и зле, отделить тексты, использовавшиеся в бытовых целях, от текстов религиозного плана, которые должны были выполнять вспомогательную функцию — знакомить с основными положениями обычного права на родном белорусском языке

(в действительности в различных ареалах бывшего ВКЛ он переплетался с польским и русским языками): «Если упростить принцип сопоставления явлений, можно обнаружить прямую аналогию: татарские тексты «на родном языке», который можно считать белорусским или польским, в зависимости от того, чьё окружение оказало влияние на автора документа, и использование «письменного языка», а точнее заменяющего его арабского письма, позволяет утверждать, что личность татарского писца начала формироваться в культурном контексте ВКЛ в эпоху Реформации, а это означает влияние ещё одного «местного компонента» на социокультурные конструкции идентичности татар» [5, с. 270].

Тексты созданы с сохранением структуры, характерной для славянских языков (соответствующим образом транслитерированы кириллицей или латинскими буквами), однако при внимательном чтении становится заметно, что они сохраняют и семантику, характерную для языкового самосознания Востока. Поэтому важно «при публикации рукописей расшифровать все их тексты, записанные на разных языках. Только таким образом можно понять смысл текстов, который с течением времени мог сильно измениться» [13, с. 207]. В некоторых текстах очевидны особенности индивидуального двуязычия переписчика, т. е. преобладание какого-нибудь одного, лучшим образом усвоенного славянского языка. Парадоксальной является чужеродность для славянских языков текстов на уровне орфографии — она указывает на усилия по реконструкции текста, т. е. стремление придать ему первоначальную восточную форму. В такой форме проявляется двойственность языкового сознания автора. Стремление передать традиционные ценности, понимание общественной жизни и её устройства может восприниматься как опыт бытия. О том, каким образом это стремление может быть реализовано, писал Ю. Лотман, утверждая, что разные языки обладают неодинаковым уровнем «переводимости», оказывающим непосредственное воздействие на восприятие культурных реалий: «... чем труднее и неадекватнее перевод одной непересекающейся части пространства на язык другой, тем более ценным в информационном и социальном отношениях становится факт этого парадоксального общения. Можно сказать, что перевод непереводаемого оказывается носителем информации высокой ценности» [13, с. 15]. Для самосознания авторов/переписчиков

текстов характерна умеренная ассоциативность. Сохранение арабского письма в орфографической системе указывает, что это не просто традиция, но и важный компонент мировоззрения. Сложно ответить на вопрос, в каком соотношении находились различные славянские языки в языковом сознании авторов текстов, поскольку, как указывают исследователи, большая часть источников пока ещё не опубликована, доступна лишь в архивах [6].

Культурно-традиционный характер мировоззренческих параллелей

Обычное право (правовой обычай) ещё называется неписаным правом (*ius non scripta* — лат.). Это свод правовых правил, которых придерживаются в течение длительного времени. На основе обычного права были созданы Судебник Казимира, Статуты ВКЛ. По мнению некоторых теоретиков в области права, потребность в определении традиционного поведения появляется тогда, когда растёт опасность отступления от обычая [9, с. 124]. Обычное право можно рассматривать как сборник классифицированных традиций. Как заметил А. Анзенбахер, «по нашим предварительным представлениям, моральное и правовое значения слов часто совпадают, например, «право и неправота», «справедливость», «норма», «обязанность», «преступление», «проступок», «вина» и т. д.» [4, с. 16]. Обычное право является полицентричным и неиерархическим, включающим все слои общества. Часто отдельные общественные группы формируются не столько в силу существующих в обществе барьеров между этой группой и другими, сколько благодаря особенно близкому общению индивидов (например, людей, объединённых религиозной или культурной традицией). Таким образом формируются естественные (а не установленные насильственным путём) границы. В каждой такой общественной группе взаимоотношения определяются обычным правом.

По мнению Э. Дюркгейма, абсолютная и универсальная однородность «по сути, невозможна, поскольку меняется окружающая нас физическая среда, передающиеся по наследству склонности, социальные воздействия, от которых мы зависим и которые вносят изменения в сознание людей. Невозможно, чтобы все стали настолько

похожими, невозможно уже потому, что у каждого человека свой организм, и все эти организмы занимают в пространстве особое, только ему отведённое место» [7, с. 81]. Данные аспекты важны в том отношении, что общественные группы индивидов перекрещиваются по различным критериям, т. е. когда те же индивиды принадлежат к одной группе в соответствии с определённым критерием, например территориальным, но относятся к различным группам по другому критерию, например по религиозной принадлежности. Таким образом социальное и культурное разнообразие отражается в обычном праве. Опираясь на Ф. Париси, можно утверждать, что существуют две интуитивно сложившиеся поведенческие модели: привычка, которая придаёт смысл повторяющейся модели поведения человека, однако эта повторяемость не создаёт социальной нормы, и обычай/традиция, отображающие внутреннюю убеждённость группы людей в необходимости и значимости определённого поведения [16, с. 604].

Для обычного права характерна вторая модель, включающая соблюдение норм поведения, сложившихся в определённой общественной группе и ставших нормой. Понятие обычного права неизбежно связано с соблюдением традиций. Границы функционирования обычного права не зависят от территории государства, кроме того, не все жители государства придерживаются одних и тех же норм обычного права. Например, специфические нормы поведения, включающие понятия добра и зла, помощи другим людям, были распространены на большой территории Литвы-Польши-Белоруссии, населённой татарами, однако эти нормы были приняты не всеми жителями данных, в современном понимании, государств. Элементы обычного права являются постоянными, прочными и консервативными, они развиваются и приживаются постепенно и ненасильственно. Однако с изменениями жизненных обстоятельств или уменьшением этнической группы обычаи меняются, модифицируются или совсем исчезают. В подобных обстоятельствах малочисленная общественная группа испытывает культурное влияние более многочисленной группы, которое, в свою очередь, нередко определяет и исчезновение обычного права [10, с. 47]. Однако некоторые обряды (помолвка, сохранение связей побратимства и т. п.) до сих пор сохраняются и отличаются живой традицией, поэтому очень важной задачей исследователя является сравнение описанных в текстах обычаев, традиций с суще-

ствующими в наше время [13, с. 207]. Следует отметить, что упомянутые выше и многие другие обычаи соблюдались не только в семье, поскольку они носят нормативный характер, т. е. обязательны для всех взрослых членов общественной группы (например, честное и бескорыстное поведение опекунов по отношению к сиротам, хотя такому отношению и не был придан правовой статус, просто для подобных целей подбирался авторитетный и надёжный член сообщества).

Компаративистские элементы славянских текстов, записанных арабским письмом, называемых также рукописными книгами, уже давно привлекают внимание исследователей. Впервые в Литве такие тексты были собраны, систематизированы, транслитерированы латинским письмом и кириллицей, а затем опубликованы в монографии А. Антоновича. До настоящего времени в Литве опубликовано единственное фундаментальное исследование изучаемого объекта [12]. Однако в европейском контексте подобные исследования достаточно многочисленны, включают более широкое поле межтекстовых связей [8, с. 342]. Как утверждает А. Шиммель, одним из важнейших праздников, источником которого не является Коран, но который ведёт свою традицию из средних веков, является Ночь создания и учёта/Ночь Бараат, отмечается в 15-й день месяца шабана, в ночь полнолуния накануне Рамадана. Считается, что в эту ночь отпускаются грехи и определяется судьба человека на следующий год. В эту ночь мусульмане иллюминируют мечети, кое-где устраивают фейерверки, раздают подготовленные к празднику сладости [17, с. 69]. В западной христианской традиции аналогичным является день прощения, когда благодаря заступничеству святого, поминаемого в тот день, отпускаются прегрешения и также раздаются сладости.

Культурные сходства делятся на три группы: случайные совпадения, культурные влияния и типологические универсалии. Общественность европейских стран является секулярной и религиозной одновременно. Это значит, что религиозное чувство ослабеваает, оно присуще лишь определённой части общества, однако не исчезает и не отрицается. В истории исламской цивилизации, особенно в классической философии и науке, имеется много примеров, свидетельствующих о том, что ислам в отдельные периоды истории носил одновременно светский и религиозный характер [11, с. 44]. Процесс поиска сходств и различий между восточным и западным

контекстами опирается на метод сравнения, общий знаменатель сравниваемых объектов.

Преобладание компаративистского метода в гуманитарных исследованиях совпало с переоценкой западных ценностей европейской цивилизации и попытками освободиться от односторонних евроцентристских установок. Поэтому неудивительно, что компаративистская культурология, стремившаяся рассеять предрассудки евроцентризма, в неевропейских культурах искала в первую очередь не сходные черты, а отличия от европейской культурной традиции, иначе говоря, альтернативы, образ мышления, по своей сути отличающийся от европейского. Компаративистика в исследованиях неевропейских культур в течение долгого времени обращала внимание именно на различие ценностей.

В условиях глобализации всем мировым культурам необходимо искать точки соприкосновения, а не одни лишь отличия, поводы для споров или выяснения старых обид. В XXI веке компаративистика должна — и методологически она к этому в полной мере готова — выявить точки соприкосновения между различными культурами. Эти точки соприкосновения создали бы предпосылки для диалога различных менталитетов в мире, всё в большей степени подверженном процессу глобализации.

Обобщая, можно утверждать, что сходные черты различных культур могут быть разделены на три группы. К первой группе относятся совершенно случайные совпадения. Например, в исламе — давур (даур), в христианстве — индульгенция. Сторонники давура считают, что за неисполнение молитв и несоблюдение поста родственники человека после его смерти должны вносить определённую плату. Наиболее опасным следствием соблюдения давура является то, что у многих мусульман создалось мнение, что, если в течение всей жизни не исполнять молитв и не соблюдать пост, после смерти все грехи будут отпущены благодаря давуру [13, с. 205—206]. В христианстве индульгенция (лат. *Indulgentia* — «снисходительность», «милость») — отпущение грехов, подтверждённое выданным церковью свидетельством.

Вторую группу соответствий различных культур составляют общие черты, появившиеся в результате прямого (генетического) влияния одних культур на другие. Большая часть татарского населе-

ния Литвы бережно сохраняет свои религиозные традиции, в том числе традицию арабской книжной письменности [12, с. 16]. В рукописных книгах наряду с текстами религиозного характера имеется множество поучений, советов, как вести себя в различных ситуациях повседневной жизни. Эти советы носят общечеловеческий характер (уважать старшего, учёного человека, быть гостеприимным и т. п.). Они встречаются в текстах, опубликованных в монографии А. Антоновича, относящихся к обширному периоду (с XVI века до рубежа XIX и XX веков). В их содержании (описании ритуалов, рассказах и апокрифах) можно заметить проявления знаков искусства, их универсальность, помогающую трансформировать мир. Наиболее часто повторяющиеся мотивы вытекают из проявлений обычного права, а способы сближения текстов различны, многообразны. Их градация определяется соотношением чужого текста (обычно в виде цитат) с текстом, созданным анонимным переписчиком, введение этого текста (или нескольких текстов) в общую структуру рукописной книги, в её целое. Говоря об опубликованных в монографии А. Антоновича текстах с этой точки зрения, интересно рассмотреть всё поле культурных параллелей, раскрыть назначение культурных представлений. Исследование широкой выборки текстов (23 рукописные книги и один документ, написанный в деловом стиле) позволило автору выделить следующие наиболее характерные для обычая, носящего нормативный характер, случаи: уважения к отцу и матери, уважения к бедному, сироте и просящему, уважения к соседям, уважения к гостю (ср. хорошо известное в литовском фольклоре выражение «Гость в дом — Бог в дом»), уважения к старшим, уважения к учителям [1, с. 42]. Такая последовательность показывает, что обычай начинает входить в жизнь в ближайшем окружении — в семье, а позднее он уже соблюдается в более широком контексте, обычай эксплицируется, становится общественной нормой. Именно эта вторая группа сходных черт является наиболее многочисленной, кроме того, она и исследована компаративистской культурологией лучше всего.

Третью группу сходств составляют типологические универсалии мышления и культуры, которые, во-первых, не связаны непосредственно (генетически), следовательно, не являются культурными заимствованиями и, во-вторых, не являются случайными совпадениями, поскольку связи, просматривающиеся в этих параллелях,

выражают универсальный, поднимающийся над различиями культур опыт человечества. Это определённые культурные и философские инварианты, доказывающие, что существуют такие вещи и такие истины, которые безоговорочно принимаются самыми несхожими культурами. Они показывают, что культурная относительность, обычно акцентирующая лишь различия культур и неодинаковые сферы выражения, не всегда правильна с философской и культурологической позиций.

Типологически универсальные культурные параллели появляются в различных плоскостях и областях культуры: в философии, изобразительном искусстве, литературе. В данной статье автор стремится рассмотреть один очень важный с точки зрения типологии вид универсальных параллелей — параллели в области обычного права. Аспекты обычного права, основывающиеся на западной традиции, сравнимы с аспектами восточного обычного права, раскрывающимися в текстах, представленных в монографии А. Антоновича. Углублённое сравнение материала явственно указывает на то, что совпадения в области обычного права не случайны. Данные параллели появляются потому, что в восточной и западной традициях мышления проявляется универсальный, поднимающийся над различиями культур характер человеческого мышления, понимания реальности и способов её регулирования. Это выписки из произведений религиозной литературы, исторических источников, цитирование ритуальных традиций, слова молитв, включённые в связный текст «Ти йестес панем и опекунем; одпусц нам, пожалуй и учин милосердза нам, бос ти йест налепший, одпускливый Буг» [1, с. 63]¹.

Если придерживаться мнения, что человеческое мышление в состоянии прикоснуться к таинствам высшего мира, можно предположить, что данные параллели возможны в силу того, что в долгой западной и восточной традиции ощущаются глубочайшие устои действительности, отражающиеся в обычаях повседневной жизни. Можно выделить несколько текстов, написанных с опорой на элементы обычного права: «Иак каже пан Бог суседав щановац. Старога кажнаго шануй» [1, с. 59] (единство художественных образов призва-

¹ Данная и последующие цитаты представлены в соответствии с системой транслитерации кириллицей, созданной А. Антоновичем.

но пробудить моральные эмоции). В исследуемых текстах важно само слияние обычая с основными темами и возможность их нюансировать. Это наблюдается в тексте с ярко выраженным мотивом повседневности: «Кали у суботу воран кричиц, добруйу весц пачуйеш, падарожни человек прийдзе. Кали у недзелу воран кричиц, лиххуйу весц кеже. Кали у понедзелок кричиц рано, добруйу весц пачуйеш. Кали ве вторек кричиц рано, добруйу весц пачуйеш. Кали у середу рано кричиц, потреба укажеца, будзе битва. Кали у чецвер рано кричиц, треба од розбойникав сцерехчисе. Кали у патницу рано кричиц, прозби, жаданье дойдзеш» [1, с. 72].

Назначением китабов было создание твёрдых основ, религиозных «рамков» для человеческого мышления, заполненного хаотичными образами, мнениями и видениями. Прошлое всегда сохранит своё жизненное начало, если будут сохраняться скреплённые традициями установки. «Множество популярных преданий дошло до нас из глубины веков, например «О пророке Давиде», «Об Александре Македонском», «О семи мудрецах», «О семерых спящих братьях», «О Соломоне» и т. п.» [14, с. 165]. Цитата демонстрирует органичное сочетание античной традиции, традиций обычного права и Священного Писания. Сюжеты общеизвестных сказаний с течением времени приобрели интертекстовое выражение, стали компонентами рукописных книг. Приведённые выше личные имена доказывают достаточно широкий мировоззренческий спектр, а в предании «О семерых спящих братьях» заключено много советов/установок, определявших быт (что можно и чего не следует делать в то или иное время года, как подготовиться к переменам погоды и т. п.). А неизменные в западной традиции образцы жизненных ситуаций прослеживаются в евангельских текстах, создающих универсальные и одновременно идеальные модели существования. Переписчики китабов считали, что новыми формы могут быть лишь настолько, насколько они повторяют старые.

Выводы

Рукописная книга формировалась в течение нескольких столетий как исключительная литература того времени, для которой характерны своеобразные тенденции развития, изменения содержа-

ния. Наиболее общая из них — опора её большей части на традиции, обычаи, мифологию, историю, на истоки собственной культуры — особенно явственна в монографии А. Антоновича *«Белорусские тексты...»*. Авторы-переписчики текстов нашли своеобразное средство языка, для которого характерна открытость различным языковым слоям: на синтаксическом, морфологическом и лексическом уровне сохраняются особенности, характерные для славянских языков, в то же время орфографическая система стремится к ориентальной традиции. Закреплённые в исследуемых текстах библейские, античные и мифологические взгляды на мир сочетаются, отражая аутентичные чувствования человека. В них находится место и обычаю в его нормативном аспекте.

В наше время, когда идёт поиск классических и постклассических ценностей, синтеза классического и неклассического мышления, компаративистская культурология должна подчёркивать не различие сравниваемых объектов, а их общность. Для диалога культур особенно большое значение имеют те сходные черты, которые не являются случайными совпадениями или результатом непосредственного (генетического) влияния одних культур на другие, иначе говоря, не являются культурными заимствованиями, а раскрываются как культурные универсалии, поднимающиеся над различиями культур, придающие смысл универсальному опыту человечества. Кроме того, при анализе сходства культур всегда необходимо обращать внимание на тонкие различия, проявляющиеся в считающихся аналогичными феноменах культуры.

Образная система текстов, опубликованных в монографии А. Антоновича, формировалась в течение долгого исторического периода. Процесс развития культурно-социальных установок нельзя назвать явным, но характер интерпретации мира через призму обычаев всё же менялся под воздействием модернизирующихся общественных взглядов. Культурное сознание авторов/переписчиков текстов стремилось втиснуть отдельные бытовые элементы в рамки обычного права. С одной стороны, это определило форму текстов, их дидактический характер, ограничило ассоциативное поле, с другой — стимулировало развитие, играющее важную роль для сравнительной культурологии (цитируемые или перефразируемые элементы текстов других авторов, нередко дополненные авторскими

замечаниями переписчика, утвердились в качестве довольно постоянного и любимого средства построения повествования). Наиболее интересными среди типологических культурных универсалий являются суждения, преодолевающие различия культур, позволяющие концептуально осознать единство человека с основами действительности.

Одними из важнейших особенностей текстов являются сохранение семантического богатства в условиях многоязычия (отличительными знаками языка при этом следует считать не только лексический, синтаксический или морфологический уровни, но и графический характер его записи), умеренная ассоциативность, детали культурных контекстов. Многочисленные аллюзии на Священное Писание создают возможность одухотворения мира, чувство ретроспективности. Культурные аналогии, поднимающиеся над плоскостью чистой культуры, культурной обусловленности и своеобразия культур, могут стать тем минимальным общим знаменателем, который выразил бы универсальный духовный опыт человечества. Встречающиеся дидактические мотивы довольно изобретательно обосновываются историческими, мифологическими и культурными темами.

* * *

1. Антонович А. Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система. Вильнюс: Вага, 1968.
2. Думин С., Ситдыков Г., Якубаускас А. Литовские татары в истории и культуре. Каунас: Союз общин татар Литвы, 2012.
3. Лотман Ю. Культура и взрыв. М.: Прогресс, 1992.
4. Anzenbacher A. Etikos įvadas. Vilnius: Aidai, 1995.
5. Bairašauskaitė T. Vietinis komponentas Lietuvos totorių sociokultūrinės tapatybės konstrukcijoje (istoriografinis aspektas) // LDK tradicija ir tautiniai naratyvai. 2009, p. 265—281.
6. Drozd A., Dziekan M., Majda T. Piśmiennictwo Tatarów polsko-litewskich. Warszawa: Wydawnictwo, 2000.
7. Durkheim E. Sociologijos metodo taisyklės. Vilnius: Pradai, 2001.
8. Górak-Sosnowska K. Muslims in Europe: Different Communities, One Discourse? Adding the Central and Eastern European Perspective//Muslims in

Poland and Eastern Europe, ed. K. Górak-Sosnowska, University of Warsaw, The Faculty of Oriental Studies. 2011, p. 340—355.

9. Hayek F. A. Teisė, įstatymų leidyba ir laisvė. Itomas: Taisyklės ir tvarka. Vilnius: Eugrimas, 1998.

10. Kasatkina N., Leončikas T. Lietuvos etninių grupių adaptacija: kontekstas ir eiga. Vilnius: Eugrimas, 2003.

11. Kirabaev N. Islamic Civilization and the West: Problems of Dialogue// Values in Islamic Culture and the Experience of History, Russian Philosophical Studies I, ed. by N. Kirabaev, Y. Pocza. 2002, p. 41—57.

12. Miškinienė G. Seniausi Lietuvos totorių rankraščiai: grafika, transliteracija, vertimas, tekstų struktūra ir turinys. Vilnius: Baltos lankos, 2001.

13. Miškinienė G. Lietuvos totorių rankraštinė knyga: istorija ir tyrimų perspektyva // Knygotyra. 2010, Nr. 54, p. 199—210.

14. Miškinienė G. Lietuvos totorių padavimai: tarp mito ir realybės, p. 162—174 [žiūrėta: 2016-03-30] <<http://www.academia.edu>>

15. Muchliński A. Zróżłostownik wyrazów, które przeszły wprost czy pośrednio do naszej mowy z języków wschodnich. Petersburg, 1858.

16. Parisi F. The Formation of Customary Law // 96 th Annual Conferation of the American Political Science Association. 2000.

17. Schimmel A. Islamo įvadas, Vilnius: Regnum fondas, 2001.